

Протоиерей Алексей Уминский

ИСПОВЕДЬ

Тайна примирения

Мой грех
искажает мир

Любовь
изгоняет страх

Нет греха
непростительного

Словом «прости»
побеждается сатана

Борющиеся
будут спасены

Кающемуся
Господь дает мир свой

Открывая Православие

протоиерей Алексей Уминский
Исповедь. Тайна примирения

«Никея»

2018

УДК 242
ББК 86.372

Уминский п. А.

Исповедь. Тайна примирения / п. А. Уминский — «Никея»,
2018 — (Открывая Православие)

ISBN 978-5-91761-852-4

Исповедь, несомненно, является очень важным, ключевым рубежом на пути человека к Богу. Таинство исповеди, с точки зрения учения Церкви, — это действие, в котором Господь освящает нас, но и мы прилагаем усилие, чтобы приблизиться к Своему Творцу, и в этом богочеловеческом единении невидимо и непостижимо, но ощутимо Дух Святой преображает нас. Яркой особенностью этой книги является ее глубокое, но в то же время вполне доступное содержание, делающее ее интересной как для людей, только задумывающихся о необходимости подготовки к исповеди, так и для христиан, уже исповедующихся, но желающих участвовать в Таинстве более осознанно.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-852-4

© Уминский п. А., 2018
© Никея, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
Высоко достоинство человека	8
Зло само по себе есть ничто	10
При таких благах какое избрал ты зло	12
Послушанием одного сделаются праведными многие	13
Мой грех искажает мир	14
На каждое слово сказать «прости»	15
Глава II	16
Долготерпит нас Господь, не желая, чтобы кто погиб	16
Спасительная сила Божия	19
Грехи твои на вые моей, чадо	22
Борющиеся будут спасены	24
Делание, объемлющее все прочие делания	26
В Церкви все соборно	27
Исполняющий волю Божию пребывает вовек	28
Глава III	29
Завершение всякого священнодействия – Священное	29
Причащение	
Поскорее омыть скверну греха	31
Пред дверьми храма Твоего предстою	32
Недостойн есмь, Христе, причащения...	33
Глава IV	34
Человеколюбие Божие – беспредельно	34
Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного	36
И когда снова падешь, снова кайся	37
Грех не должен над вами господствовать	38
Ненавидь грех и люби грешника	39
Страх греха не спасает от греха, радость о Господе спасает	40
Сокровенное мое не таково, как видимое	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Протоиерей Алексей Уминский

Исповедь. Тайна примирения

Памяти сына

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС11-115-1612*

Предисловие

Как можно развить наши способности, чтобы жить согласно с заповедями Христа, согласно со Святым Духом? Только одно имеет значение: сохранить напряжение молитвы и покаяния.

Архимандрит Софроний (Сахаров)

Одна из самых существенных задач современной приходской жизни – созидание общин. Часто бывает так, что, придя в Церковь, человек оказывается в одиночестве: он ходит на службы, участвует в Таинствах, читает книги, общается с духовником, но дальше этого не идет; и после нескольких лет такого «атомизированного» существования он начинает чувствовать разочарование и усталость от своей церковной жизни. И это естественно. Индивидуально-аскетическая составляющая Православия – всего лишь часть его; если ограничить христианство только ею, то духовная жизнь неизбежно становится неполной, ущербной; в ней не реализуется главное – любовь Христова, к осуществлению которой призван христианин. Полнота благодатных даров, которую получает человек в Церкви, может раскрыться только в условиях общины, живого церковного организма.

За прошедшие пятнадцать лет свободы мы увидели, что становление общин – дело очень сложное; практически их очень мало. Для того чтобы люди, ходящие в один и тот же храм и поэтому формально составляющие приход, явили собою подлинную Церковь, нужны три вещи. Община строится, во-первых, Евхаристией – ибо она есть не просто объединение людей, но Тело Христово;

во-вторых – целенаправленными пастырскими усилиями и, в-третьих – нравственным евангельским трудом каждого члена общины. Община невозможна, когда Евхаристия является пусть и высшим, но индивидуально-аскетическим средством личного освящения, когда евангельская нравственность подменяется внешней церковной дисциплиной, книжностью и «лубочностью» и когда пастырь все свое внимание посвящает лишь обустройству приходского быта.

Практический опыт созидания общинной жизни представляет предлагаемая вниманию читателя книга «Тайна примирения» протоиерея Алексия Уминского, настоятеля московского храма Живоначальной Троицы в Хохлах, духовника Свято-Владимирской православной гимназии, ведущего телевизионной программы «Православная энциклопедия». Беседы отца Алексия посвящены Исповеди и Причастию, но они выходят за рамки просто назидания «как правильно готовиться к этим Таинствам». Рассуждения отца Алексия о соотношении Таинства Покаяния и Евхаристии, о недопустимости навязывания священству роли старчества, о том, что в момент исповеди священник представляет собой Церковь, и многие другие представляются мне очень существенными именно в церковно-общинном контексте. Книга содержит немало и весьма ценных практических советов: о частой исповеди и частом причащении, о недопустимости гипертрофированного «страха греха», о вреде в связи с этим брошюр и книг «в помощь кающимся», наконец, о том, что главное препятствие к подлинному покаянию – ложь самому себе. Достоинством книги является то, что беседы протоиерея Алексия – живая речь, идущая от сердца; но при этом очевидно мастерство автора в области человеческого общения: мысли выражены ясно, четко, с исчерпывающей полнотой.

Надеюсь, что книга бесед «Тайна примирения» будет интересна многим православным христианам и принесет им большую пользу в осмыслении своего участия в Таинствах Покаяния и Причащения и углублении представлений о подлинном церковном смысле общинной приходской жизни.

Игумен Петр (Мещеринов)

Глава I

Словом «прости» побеждается сатана

О братья, вся земля, покайтесь, покамест есть время. Проси, и Господь простит.

Прп. Силуан Афонский

Высоко достоинство человека

Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна; и не в них благоволил упокоиться Господь, а только в человеке.

Прп. Макарий Великий

Насадил Господь рай и поместил туда человека, чтобы человек владел этим великолепием. Все в раю создано ради человека. Господь, абсолютно самодостаточный в Своей неизменной полноте, ни в чем не нуждается. Не нуждается Он и в человеке. Но по величайшей Своей любви Господь творит человека, как центр Вселенной, даруя ему Свой образ и все видимое и невидимое, чтобы человек этим миром владел, возделывал его, сохранял и, совершенствуясь в общении с Богом, преображал и мир вокруг себя.

Все в раю принадлежало человеку, в том числе и древо познания добра и зла. Но странную заповедь дал Господь, по которой человек мог вкушать от всех плодов в райском саду, кроме плода от древа познания добра и зла. И сказал Господь человеку: *в день, в который ты вкушишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2: 17).

Кажется, как странно, человек, сотворенный на этой земле, чтобы владеть миром, должен разбираться и в себе, и в этом мире? Почему же не прикасаться к этому дереву? Как же тогда узнать, что такое добро и что такое зло? Но Господь повелел: «не прикасаться! не вкушать!» Но почему? А потому, что добро и зло по-разному познаются.

Если вдуматься, добро в полной мере было доступно Адаму в раю: весь мир, о котором Господь сказал, что это хорошо (по-церковнославянски *добро зело* — Быт. 1: 31), был у него перед глазами. Сам Бог пребывал с человеком, говорил с ним, давая возможность Его познавать, двигаться к Нему, стать, наконец, подобным Богу, осуществив высшее предназначение человека – стать, как Бог, стать самим Богом. Замысел Бога о человеке, о его личности, свободе и достоинстве состоял в том, чтобы человек познавал высоту и силу добра, наполнялся им, чувствовал его в себе самом и в постепенном приобщении к нему получил бы силы и могущество побеждать зло, оставаясь совершенно к нему не приобщенным. Запрет был наложен именно на приобщение ко злу, то есть на соучастие в нем. Познаешь – и *смертью умрешь* (Быт. 2: 17), – предупредил Господь, оберегая Свое неокрепшее создание от смертельной опасности. Раскрывая в себе Божественный образ через приобщение к Богу, человек должен был в добре победить зло, не приобщаясь к нему, победить любовью и добром. Адаму же, не вкушившему еще добра, не познавшему его во всей полноте, нельзя было познавать зло в любом его виде, и тем более через его вкушение.

Вот закон, неизменный от Адама до настоящего дня: если человек познает зло, приобщаясь к нему, он тут же принимает его в себя, соединяется с ним и им побеждается. Запрещение вкушения плода от древа познания – это прообраз поста, раскрывающий его глубинный смысл. Древо познания – это древо различения, древо победы добра над злом. Не утвердившись в добре, человек не может вступать в борьбу – ведь он сам еще не добр. Пост был наложен с

единственной целью, чтобы человек, свободной волей приобщившись к добру, смог победить зло.

Рай затворен, но древо познания добра и зла, древо их различения, заложено в каждом человеке – это его совесть, которая, по словам аввы Дорофея, есть тот естественный закон, который открывает человеку, что есть доброе и что есть злое, от зла охраняет, а к добру приобщает. Приобщение к добру просвещает человека и согревает его сердце, помрачает же и оледеняет – отступление и выбор зла.

И сейчас тот же соблазн исходит от мира: «Все надо попробовать, все надо испытать... Как же ты проживешь, не зная того и другого...» Зло, которое творится вокруг, нам все время рекламируют и преподносят как соблазнительное блюдо, которое мы обязательно должны съесть. И человек опять вкушает запретный плод, пренебрегая первой заповедью, данной ему Богом: не вкушай, *смертью умрешь* (Быт. 2: 17).

Зло само по себе есть ничто

*Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо
и не имеет никакого состава.*

Авва Дорофей

Из предания Церкви мы знаем, что человек пришел в мир, в котором уже существовало зло. Что же такое зло? Откуда оно появилось? Как следует христианину относиться к нему? Разные религиозные системы по-разному разрешают вопрос о соотношении добра и зла.

В дуалистических моделях восприятия мира добро и зло существуют на равных, причем они взаимопроникающи: в добре есть зло, и наоборот. Такая модель очень популярна, и, принимая ее, человек признает изначальное существование зла и отсутствие возможности точного определения, что такое добро и что такое зло, потому что они равны между собой, могут переходить одно в другое и не имеют внешних критериев для различения.

Поэтому во многих восточных культах и религиях посмертное существование и спасение – это не пребывание в добре, а состояние, выводящее человека за пределы добра и зла. Нирвана, слово очень популярное в современном мире, является не бытием, а выходом из мучительного круга перевоплощений и представлений о добре и зле. А для христианина смысл спасения заключается в том, чтобы, соединившись с Богом как с источником любви и добра, войти в полноту бытия – в вечную жизнь. Но что же такое в христианском понимании зло и какое отношение оно имеет к добру?

Носителем зла Церковь называет сатану. Глава в Книге пророка Исайи и Апокалипсис Иоанна Богослова приоткрывают завесу над доисторической катастрофой – первым бунтом твари против Творца. Денница, «первый светоносец», прекраснейший ангел, сотворенный светлым и добрым, стал личностным представителем зла, возгордился и отпал от Бога, не захотел подчиниться Закону Божию и признать в человеке создание выше себя. Отныне мятежная тварь стремится погубить все, что Господь сотворил прекрасного и возвышенного, и прежде всего того, кому предназначен был служить, – человека.

Из самой истории зарождения зла становится ясно, что зло – это отпадение, отрицание, не несущее в себе созидательного начала. Может быть, поэтому ему трудно дать точное определение. Легче провести такую аналогию. Что такое тьма? Отсутствие света, она не имеет своего бытия: *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1:5). Но там, где нет света, его место занимает тьма. Точно так же и зло – это отсутствие добра или его искажение, это добро, которое отпало от Бога, исказило свое бытие, но собственного онтологического бытия оно не имеет.

Бытие имеет только то, чему Господь сказал: *да будет!* (см.: Быт. 1). Зла Он не создавал и не говорил этого греху. А того, что Бог не создавал, того, говоря строго, и нет.

Значит, абсолютного зла не существует, существует абсолютное добро. Поэтому зло бес- сильно: оно не имеет ни собственного бытия (сама природа творения лежит в Божественном замысле о его доброте), ни собственного продолжения (его существование ограничено временем), ни собственной силы (он пользуется только тем, что может захватить и на чем может паразитировать).

Даже сам предельно изуродованный носитель зла не есть абсолютное зло. Светлый Херувим, которого мы называем сатаной, вышел из рук Господа полным добра и силы. Это потом его добрая природа была искажена до такой степени, что посмела противопоставить себя Богу, стать антиприродой.

Если Бог абсолютно благ, бесконечен и вечен в Своем добре, то совершенно очевидно, что по сути своей, будучи творением, сатана не может обладать абсолютным злом, как бы ему

этого ни хотелось. Этому ему просто не дано – все абсолютное принадлежит только Богу. Как бы ни стремился сатана казаться совершенным богом со знаком минус, увлечь этой идеей неразборчивых ангелов, как это было в начале творения, или людей, способных поверить в подобное безумие, его притязания все равно останутся безосновательными, потому что такого просто не может быть.

Своей собственной силой сатана не обладает, и поэтому все, на чем паразитирует падший дух, это энергия и сила добра, которые были ему изначально даны, как величайший Божественный дар. А то, что является даром Божиим, что Господь сотворил как добро, несмотря ни на что, даром Божиим остается, хотя порой его можно исказить до такого страшного состояния, из которого, кажется, и возврата нет.

Безбытийность зла лишает его возможности так исказить человека, чтобы он до конца потерял образ Божий. Даже в своем самом предельном богопротивлении и демоноподражании человек все равно остается образом Божиим и способен достичь спасения через покаяние.

При таких благах какое избрал ты зло

*При таких благах какое избрал ты зло! После такой славы какой
несеешь на себе стыд! Почему теперь так омрачен ты, так обезображен,
так бретен? После такого света какая тьма покрыла тебя!*

Прп. Макарий Великий

Первый человек был сотворен имеющим в себе одновременно как возможность стать бессмертным, так и возможность умереть. Являясь Божественным даром, а не природой человека, залог бессмертия давал ему возможность через самосовершенствование, через послушание Богу духовно дорасти до того, чтобы он стал его природой.

Дар бессмертия – это приобщение к Богу, к самому источнику жизни. Но человек не приобщился к жизни в раю. В раю он приобщился к смерти. Человек захотел жить без Бога, а жизнь без Бога – это и есть смерть. Это ужасно звучит: приобщился к смерти там, где должен был приобщиться к жизни. Человек приобщился ко греху всем своим существом, и грех страшным образом исказил его природу. Творение отпало от своего Творца. Грех открыл дорогу смерти. Человек, имевший такую возможность – не умирать, стал смертным и был изгнан из места жизни, где все существующее имеет вечное бытие. Грех Адама, его отпадение от Бога, могли бы стать вечным уделом всего человечества, если бы Бог по милосердию Своему не изгнал Адама из рая во временный мир, чтобы смерть не стала его вечным состоянием, чтобы сатана не победил его до конца.

Мы все приобщены к смерти через первородный грех, и, хотя в Святом Крещении он прощается, последствия греха, к сожалению, остаются. Поврежденная человеческая природа должна быть исцелена самим человеком, которому суждено жизнью своей преодолевать последствия грехопадения Адама – идти в обратном направлении, не вкушая от древа познания добра и зла, а приобщаясь только к добру.

Действие зла в мире продолжается, человек вновь приобщается ко греху, вкушает запретный плод, и зло искажает его снова и снова. Мировая история повторяется в истории каждого человека.

Послушанием одного сделаются праведными многие

...Как непослушанием одного... сделались многие грешниками, так и послушанием одного сделаются праведными многие.

Рим. 5: 19

Зло могло быть побеждено еще в раю. Сатана, творение, наделенное свободной волей, мог быть побежден только свободным творением, и эту победу должен был одержать Адам – победить зло в раю, как человек, и тем осуществить свое Богочеловечество. Но он этого не сделал. Господь мог бы, как и может, всемогуществом Своим воспретить злу присутствовать в мире, совершенным словом Своим просто уничтожить его. Но Он поступил иначе, потому что тому живому, что Он сотворил, и Ангелам, и человеку, Он дал свободную волю. И, однажды даровав человеку свободу, Господь никогда ее не отбирает.

Бог спасает человека иначе: Сам становится Человеком в этом мире, во всей полноте принимает на Себя человеческую природу, чтобы все-таки победить зло не как Бог, а именно как Человек, а потом дать возможность каждому человеку снова приобщиться к Богу, чтобы снова победить. И Он побеждает сатану во всей силе Своей человеческой природы, во всей полноте ее богоприобщенности, чтобы каждому из нас тоже даровать такую возможность – снова и снова своим свободным произволением побеждать зло, приобщаясь к добру.

Но в нас живет память о согрешившем Адаме, и эта память вновь и вновь толкает нас обмануть Бога, согрешить против Него, коснуться запретного плода, стать самодостаточным в самом себе.

Мы гораздо более сопричастны добру, чем искажены злом. Зло, не имеющее сущности, явившееся лишь следствием недуга человеческой души, не в состоянии до конца победить человека, для которого добро естественно, а зло противоестественно. Поэтому у каждого христианина есть силы победить зло, и, значит, в самом человеке добро обязано побеждать зло, если он прилагает к этому усилия. Человек не может себя оправдать тем, что он не в силах с собой справиться, потому что он имеет огромный запас помощи Божией и собственной силы, чтобы, преодолев любой грех, победить в себе сатану.

Это путь, по которому должен пройти каждый. Господь ведет нас этим путем, давая нам возможность снова вернуться в рай, снова и снова принять то, что было дано человеку в раю, где он пребывал во всей своей красоте, во всей своей гармонии, чтобы эта красота, воспринятая как дар, стала его собственностью, его природой, его действительно нестираемым образом Божиим.

Мой грех искажает мир

Велика была скорбь Адама по изгнанию из рая, но когда он увидел сына своего Авеля, убитого братом – Каином, то еще большею стала скорбь его, и он мучился душою, и рыдал, и думал: «От меня произойдут и размножатся народы, и все будут страдать и жить во вражде и убивать друг друга». И эта скорбь его была велика, как море.

Прп. Силуан Афонский

У каждого человека свои особенные дары. Как пишет апостол Павел: *И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Всели истолкователи?* (1 Кор. 12: 28–30). Все люди очень разные. Они сотворены так, чтобы каждый в каждом нуждался, чтобы один без другого не мог осуществить себя как человек во всей полноте.

Человечество создано как семья, призванная жить общечеловеческой жизнью, постоянно помогая друг другу и, по слову апостола Павла, неся тяготы друг друга, чтобы исполнить закон Христов (см.: Гал. 6: 2). Но жизнь каждого человека неразрывно связана с жизнью всех людей, потому что человечество задумано Богом не просто как семья, а как единый церковный организм. Так, например, супружество есть осуществление этой полноты человечества, когда двое становятся единым существом – два плоть едина (см.: Мф. 19: 5).

По мысли сербского богослова при. Иустина Поповича, уже в раю человечество было задумано как Церковь: каждый человек так сильно связан с другими людьми богоподобной церковной природой, что в предстоящем он будет иметь возможность осуществиться как Церковь. Развитие способностей и добродетелей каждого человека является естественным созиданием всего человечества, как богоподражательного Адама, который становится новым человеком, а новое человечество – осуществленной Церковью.

Но подобная связь страшным образом проявляется в падшем человечестве: грех, в природе которого заложено свойство распространения, разрушает не только человека, он разрушает все человечество в целом. Через Адама приходят в мир грех и смерть: грех одного человека и его смертность становятся уделом всех. Адам виноват перед всем человечеством, перед каждым из нас. Но тогда и каждый из нас через свой грех виноват перед всеми.

Если мы хотим начать борьбу со злом, для этого необходимо прежде всего искоренить зло в себе, и, только если нам удастся победить сатану в самих себе, нам удастся это сделать и вокруг себя. Но если мы не начали эту борьбу, то имеет ли смысл спрашивать тогда: «Почему существует страдание? Почему умирают дети? Почему торжествует ненаказанное зло? Почему так много несправедливости в мире?» Если человек будет честен перед самим собой, он должен будет ответить: «Это мой грех искажает мир, и мое зло ко мне же возвращается».

По ком звонит колокол? Он звонит по тебе.

На каждое слово сказать «прости»

Прежде всего, братия, нам нужно смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать «прости».
Авва Исаия

Какие простые слова говорят святые отцы: «Словом „прости“ побеждается сатана». Именно это нам и надо сделать: просто победить сатану.

И оказывается, что это действительно просто. Надо только уметь искренне сказать «прости» на всякое дело, во всяком месте и всякому человеку. И как только мы внутри себя от сердца говорим это слово, мы разрываем связь с сатаной. Ведь единственное существо в этом мире, не способное сказать «прости», – это злобный дух вражий.

Если бы случилось невозможное и дьявол смог бы переступить через свою гордыню и покаяться, его больше не существовало бы, он бы немедленно вернулся в свое высочайшее архангельское достоинство. Он снова стал бы Ангелом, если бы смог... Но сделать этого он уже не может.

Но это может сделать человек. Как только он произносит великое слово «прости», Господь откликается, прощает человека, и в нем чудесным образом проявляется потерянное в грехе Божественное достоинство. Состояние гордыни, помраченности, злобности вдруг исчезает, и преображенный человек приобщается к жизни ангельской. Покаянием сокрушаются все козни, отражаются все стрелы врага, бессильного пред словом «прости». Сети, которые с такой тщательностью и изощренным хитроумием он расставляет человеку, разрываются, и перед нами открывается потерянная дорога в рай.

Покайтесь, – призывает Спаситель, выходя на проповедь, – *приблизилось Царствие Небесное* (Мф. 4: 17). Только так совершается возвращение в Царствие Небесное, дарованное нам Господом Его победой над сатаной. Он не просто возвращает нас в место блаженства, а дарует неизмеримо больше того, что было дано Адаму в раю. Человеку, сотворенному в земном раю, открывается рай небесный, вместо мира земного – Небесное Царство, которое неизреченно, непознаваемо, которое совершенно никак не определено, кроме того, что это есть Царство Божией любви, Царство Его настоящей жизни.

Вот что нам даруется вместо потерянного земного блаженства! И только одно слово «прости», сказанное всею жизнью человека, – не случайно, не впопыхах, не формально, не в единственный день в году, а всею нашей жизнью, – открывает нам эту дверь. Открывает каждому: разбойнику и праведнику, мытарю и фарисею, блуднице и целомудренной – всем.

И когда мы оказываемся способными всей жизнью своей всегда говорить «прости», это значит, что мы всегда оказываемся победителями сатаны. Только это и возвращает нас в рай. И этому слову мы будем учиться всю жизнь, чтобы оно стало нашим главным оружием в победе над злом. Потому, что невозможно победить его иначе, как только по-настоящему начать духовную борьбу.

Глава II

От грехов освобождаемся через покаяние

*От прародительского греха освободились
мы через Святое Крещение, от тех же грехов,
на которые дерзали мы по крещении, освобождаемся не иначе, как
через покаяние.*
Прп. Максим Исповедник

Долготерпит нас Господь, не желая, чтобы кто погиб

*Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые
почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто
погиб, но чтобы все пришли к покаянию.*
2 Петр. 3: 9

Живя в этом мире, каждый день сталкиваясь с проблемами и ситуациями, которые кажутся совершенно безвыходными, трудно бывает поверить в то, что нам дарована свобода, что мы можем хоть как-то повлиять на свою судьбу. В минуты отчаяния кажется совершенно очевидным, что Бог нас не слышит, не любит и не желает нам спасения.

Действительно, зависит ли в нашей жизни хоть что-то от нас самих? Способна ли наша собственная воля каким-то образом изменить нашу жизнь?

От подобных настроений легко прийти к выводу, что не всем дано в этом мире спастись. Некоторые религиозные направления утверждают, что есть люди, особым образом избранные Богом для спасения, а есть такие, у которых, как бы они ни трудились, как бы ни старались, ничего не получится. Одни призваны ко спасению, другие – к гибели, и результат дела спасения от человека не зависит.

Такие тяжелые мысли могут возникнуть даже при чтении Священного Писания. *А ты кто, человек, что споришь с Богом?* – говорит апостол Павел. – *Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?»* (Рим. 9: 20–21). Читаешь эти строки, и закрадывается мысль, что если создал тебя Господь горшком, то ничего, кроме горшка, из тебя и не выйдет. Действительно, не существует ли страшной предопределенности о людях, которые не могут спастись в принципе?

Но на это нам отвечает само Евангелие, говоря, что Бог не желает смерти грешника, что нет Божией воли, *чтобы погиб хоть один из малых сих* (Мф. 18: 14). Воля Божия заключается в том, чтобы *все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2: 4).

У аввы Дорофея есть замечательный пример того, как суды Божии не похожи на суды человеческие и насколько иначе может смотреть на человека Господь, чем смотрим на ближних своих мы своим немилосердным и лишенным любви взглядом.

Он пишет, что в одном городе продавали рабов. На рынок пришли две женщины: одна – монахиня, а другая – блудница. Они увидели, что продают двух девочек, и монахиня купила одну девочку, чтобы воспитать ее в страхе Божиим, а вторую девочку купила блудница, чтобы сделать ее сосудом греха в сто раз хуже себя.

Спрашивается, если эти две девицы, повзрослев, согрешат одним и тем же грехом, скажем – блудом, неужели Господь будет их судить одинаково? «Конечно же, нет», – отвечает авва Дорофей. Господь знает, кому что было дано, в какой ситуации каждый прожил и как оплакал

потом свой грех. Каков будет Его суд? Это известно только Ему Одному. И в какой мере человек проявляет свою свободу и свою волю ко спасению, тоже судить не нам.

Но единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что в какой бы стране и с каким бы цветом кожи человек ни появился на свет, на каком бы языке ни разговаривали его родители и какие бы представления о мире они ни имели, каждый человек рожден ко спасению. Любого человека, рожденного как в Новой Гвинее, так и в Нью-Йорке, в семье миллионера или в семье бедняка, ищет Господь, чтобы спасти его бессмертную душу; чтобы она встретила с Ним в этой жизни; чтобы при выборе между добром и злом человек оказался способным по велению своей совести выбрать добро; чтобы естественный Закон Божий, который Господь вложил в каждого из нас, как совесть, как призыв к Богоподобию и христианству даже в нехристианине, был осуществлен до самого конца.

Мы знаем о Боге не только то, что Он Вездесущий, но что Он еще и Всеобъемлющий. «Вседержитель», – говорим мы. Для иудеев того времени Бог как Отец воспринимался как прежде всего Бог – Отец иудеев, Бог определенного народа, которому Он принадлежит по праву богоизбранности. Такое мнение может сложиться и у каждого, кто каким-то образом исповедует свою веру как богоносную, настоящую, истинно православную.

Но вот в молитве «Отче наш», в обращении к нашему Отцу, почему-то добавлены слова: *Иже еси на небесех*. Зачем? Ведь и в Ветхом Завете, и в заповедях постоянно упоминается, что Господь не имеет общего ни с чем материальным; и есть заповедь, чтобы не сотворить себе кумира *из того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли* (Втор. 5: 8). Но когда мы говорим: *Сущий на Небесех*, – мы исповедуем отцовство Божие всеобъемлющее.

Наше исповедание заключается именно в том, что мы признаем Бога Отцом для всех людей, так как Он – на небесах. Имеются в виду, конечно, не чувственные небеса, не небеса, состоящие из определенных слоев атмосферы, каких-то газов и т. д., а мир духовный, который больше, чем мир земной, мир невидимый, который больше, чем мир видимый, – мир всеобъемлющий. И посему и отцовство, которое заключено в Боге, покрывает собой все творение Божие, и нет в этом мире ничего, что не было бы покрыто Его Божественной любовью. Поэтому всякое существо, сотворенное Богом, как существо живое и богоподобное, принадлежит Его отцовству, а не только мы, *род избранный, царственное священство* (1 Петр. 2: 9), как призывали о себе думать православные христиане.

Каждый человек сотворен Богом как богоподражательная личность, как сын. Поэтому Тертуллиан, древний учитель Церкви, так и говорит: «Душа по природе своей христианка». То есть всякий человек, где бы и когда бы он ни родился, всегда рождается прежде всего как христианин, чтобы стать христианином и в Боге познать своего Отца. Нет для Бога никого, кто был бы Ему чужд. Это надо знать каждому из нас, потому что в этом заключается Промысл Божий о мире.

В Послании к Римлянам апостол Павел пишет, что даже язычники могут исполнить Закон Божий (см.: Рим. 2: 13–16), не зная его, хотя сама религиозная система, которую они исповедуют, может обманывать и уводить далеко от спасения. Закон Божий написан в сердце каждого человека – это его совесть, путеводитель ко Христу. Когда человек, для которого совесть стала главным законом жизни, слышит о Христе, происходит настоящая встреча.

Как бы низко человек ни пал, даже на самом дне тяжких человеческих изуверств, существует выбор между добром и злом. Он есть всегда. Церковь учит, что Господь до ада сошел, когда искал погибшего Адама. В песнопениях Страстной седмицы поется: *На землю стел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, Владыко, даже до ада снисшел еси ищай*. До таких глубин человеческого зла, в такие глубины ада спустился Господь, что ад был исчерпан сжиганием Христовым.

Кающемуся грешнику обязательно надо знать, что не осталось такого человеческого состояния, в которое не погрузил бы Себя Господь, такой бездны порока, в которую не спу-

стился бы Господь, нет такого греха, который Господь не очистил бы, и не придумал сатана такого зла, которое Господь не исцелил бы.

Это становится очевидным на исповеди. Каждый священник чувствует это, встречаясь с человеком, который, по обывательскому представлению, уже никак не может быть утешен. Иногда исповедуются люди, жизнь которых не вписывается в рамки представления о нормальном, кажется невероятным, что таких людей земля носит. Но сама их исповедь говорит о том, что

Господь ждет любого негодяя, любого изгоя, – и только сам человек может настолько далеко уходить от Бога, чтобы совершенно этого не чувствовать.

Вернуться к Богу – это значит прислушаться к голосу своей совести, которым стучится Господь в каждое человеческое сердце. Если только человек прислушивается к нему, он тут же вступает на путь спасения. Но, говоря, что наш Отец *Сущий на Небесех*, мы должны понимать, что сыновство наше – тоже небесное. Оно осуществляется нами, как проникновение в Небесное Царство, когда и мы осуществляемся таким же чудесным образом, каким оно даруется нам свыше.

Спасительная сила Божия

Таинство есть священнодействие, через которое тайным образом действует на человека благодать, или, что то же, спасительная сила Божия.

Свт. Филарет Московский

В Пространном христианском катехизисе святителя Филарета Московского о Таинстве Покаяния сказано так: «Покаяние есть Таинство, в котором исповедующий грехи свои при видимом изъявлении прощения от священника невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом».

Но ни одно из Таинств не может быть раскрыто до конца, не может быть исчерпано словом катехизиса или внешним описанием. А Таинство Покаяния менее других поддается описанию, потому что в нем заложена какая-то двойная тайна: оно еще более сокрыто и не имеет внешнего проявления.

Именно внешнее описание Таинства Покаяния представляет большие трудности, тогда как все остальные имеют определенное богослужение. Так, Таинства Крещения и Венчания изначально входили в состав Божественной литургии, а Соборование является богослужением утрени. Кроме того, всякое Таинство имеет и свой богослужебный характер, молитвенную и описательную форму. А о Таинстве Покаяния такого сказать нельзя. Оно имеет, конечно, свое чинопоследование, читаются положенные предначинательные молитвы, готовящие грешника к покаянию, но они не имеют никакого совершительного значения.

Мы знаем, что центром Таинства Крещения является богослужебный момент, когда священник троекратно погружает крещаемого в купель со словами «Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». При Венчании священник трижды благословляет пару: «Господи Боже наш, славою и честью венчай их». Мы хорошо знаем, как совершают Таинства Евхаристии и Елеосвящения. Эти Таинства можно наблюдать, снять на пленку, показать, объяснить последовательность их совершения, описать в катехизисе.

А что происходит во время Таинства Покаяния? Какое священнодействие является в нем основным? Это Таинство наименее уставное и в общем не имеет внешней формы – определенной, устойчивой и неизменной. Складываясь в течение веков по велению Духа Божия, свободно меняясь в зависимости от требований времени, оно принимало различные формы, и ни одна из них не является устоявшейся.

В первые века христианства исповедь носила публичный характер, и исповедующийся нес ответственность именно перед Церковью. Исповедовались обычно те грехи, о которых апостол Иоанн Богослов говорит как о смертных: убийство, прелюбодеяние, а в периоды гонений – отступление от Христа. Церковь принимала отпавших, согрешивших разбоем, воровством, каким-то другим тяжким грехом, который действительно не давал возможности человеку оставаться в Церкви. И тот, кто хотел вновь соединиться с Телом Христовым, исповедовал свои грехи перед всеми членами Церкви, которая принимала кающегося грешника или до определенного момента не принимала его, давая ему время для покаяния, также носившего публичный характер, с разными степенями несения епитимьи.

Публичная исповедь была для человека колоссальным духовным подвигом. Тот, кто был способен на такую исповедь, приносил глубокое покаяние и уже не имел возможности отступать. Исповедь несла в себе именно исцеление, через покаяние человек становился цельным, целостным, целомудренным, и вся остальная его жизнь была свидетельством принесения плодов покаяния, исправления, «жизни напоказ». Вся Церковь (и епископ, возглавлявший в раннехристианской Церкви общину, и вся община) следила за его покаянием, помогала ему в этом

труде, видела, как брат становится другим, и с любовью принимала его. Венцом отпущения греха и примирения кающегося с Богом становилось Причащение Святых Христовых Таин, то есть вхождение в Тело Христово. Об этом, собственно, и говорит молитва, которую читает священник во время разрешения грехов: *Примири и соедини его святой Своей Церкви...*

Если Таинство Покаяния воспринималось как врачевство, примиряющее с Церковью человека, впадшего в грех к смерти, то повседневная исповедь происходила у человека наедине с Богом. Свои каждодневные грехи христиане исповедовали келейно, на вечернем правиле. Такое покаяние существовало как образ жизни христианина, оно сопровождало человека всегда, а не время от времени, не от исповеди к исповеди. И его сердечное сокрушение и покаяние, видимые только Богом, тоже были по сути своей Таинством.

Конечно, мы говорим о раннехристианской Церкви в целом. Никогда не существовало такого идеального состояния, когда все члены Церкви были бы святыми и жили единым духом покаяния. Но духовный уровень жизни христиан первых веков во многом отличался от теперешнего.

Христиане не питали иллюзий относительно себя и понимали, что, крестившись, они сразу святыми не становились. Тем более что новообращенные приходили из языческого мира. Из житий святых мы знаем, что многие из них выросли в смешанных семьях, в которых, например, мать была христианкой, а отец оставался язычником. Христиане понимали, что грехи, которые они несут в себе как некую болезнь падшей природы человека: тщеславие, гордость, самомнение, самооправдание, лживость, – свойственны всякому человеку и преодолеть их возможно только христианским подвигом покаяния.

В дальнейшем, при возникновении монашества, практика исповеди стала меняться. Основа монашества – послушание, которое проявляется как полное предание воли послушника своему духовному наставнику. Духовное руководство в монастыре стало осуществляться через исповедование помыслов старцу, духовному руководителю. С этим была сопряжена духовная аскетическая борьба. Причем духовником, т. е. тем, кто принимал помыслы – душевное и духовное состояние исповедника, чаще всего был простой монах, так как монашество в первые века не было иерархичным. Одной из традиций монашества было непринятие сана: монах уходил от мира и в силу своего смирения не мог принимать на себя священный сан.

В этот момент к монастырям потянулись за духовной поддержкой и миряне, потому что христианство стало принимать иные формы. Став государственной религией, оно, конечно, потеряло то напряжение духовной жизни, которое имело во времена гонений. Естественно, и грехов стало больше. В христианской среде стало проявляться некое нечувствие ко греху. В маленьких общинах все друг друга знали, все жили одной верой и исповедничеством этой веры и за веру отвечали своей жизнью и своей кровью. Когда христианство распространилось и стало обыденной, традиционной религией для многих людей, человеческая падшая природа начала брать верх над Духом Божиим, принятым человеком в Таинствах Крещения и Миропомазания. Высота и чистота христианской нравственности стали оскудевать.

Для верующих перестали быть необычными и невиданными те грехи, которые считались таковыми раньше, например, блуд, воровство и многие другие, которые принес языческий мир в среду христиан. Публичная исповедь уже не могла удовлетворять Церковь, потому что подобные явления становились слишком широко распространенными, чтобы исповедовать их во всеуслышание. Общественная жизнь требовала сокрытия грехов членов христианской общины. Покаяние стали принимать в монастырях, вошло в обычай исповедоваться тайно.

И тогда два способа исповеди – исповедь помыслов, изначально присущая только монашеству, и исповедь тяжких грехов в Церкви – соединились во времени. Исповедь перестала носить публичный характер. Соблюдение тайны исповеди стало законом, а человеком, который олицетворяет Церковь и которому кающийся исповедует свои грехи, со временем стал священник.

Так складывалась современная практика, которая, однако, со временем также может измениться.

Грехи твои на вые моей, чадо

«Должно быть, тяжело для вас, отец Иоанн, слушать и принимать исповеди человеческих грехов?..» Я ответил: «Это – Пасха! Это радость большая – принимать искреннее покаяние, все равно, в каких грехах (и чем больше грех человека, тем радостнее его покаяние). Человек освобождает от смерти свою душу – это радость».

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Исповедь совершается между человеком и Богом, и личность священника никакого тайносовершительного значения не имеет. Но Церковь не просто Божественный, но Богочеловеческий организм. Во всех Таинствах присутствует этот образ Богочеловечества, и в Таинстве Исповеди в том числе. Священник, принимающий исповедь, часто становится помощником кающегося на его духовном пути, и тогда личность священника на исповеди уже имеет значение. Но участие священника не сводится только к этому.

В древней русской практике священник, разрешая грехи, произносил: «Грехи твои на вые моей, чадо» – и клал руку грешника себе на шею, показывая тем, что Церковь берет его на себя, как заблудшую овцу. Это не значит, что сам священник принимает лично на себя его грехи, но он выступает от имени всей Церкви, выражая этим, что именно так происходит в ее жизни: когда болит один член, болит вся Церковь. В этом случае вся Церковь страдает в лице священника. Всегда, когда приходит кающийся грешник, именно священник должен стать той Церковью, которая страдает вместе с ним.

Личность священника имеет колоссальное значение. В Таинстве Исповеди он не может равнодушно фиксировать покаяние чужого ему человека, но должен насколько возможно глубоко молитвенно принять в свое сердце грехи своего чада. Никакая исповедь для священника не проходит бесследно, не является простым разговором, его участие не сводится к тому, что он, как понятой, призван свидетельствовать, что совершено преступление. Состояние священника на исповеди – это принятие на себя Церковью боли страдающего брата.

С одной стороны, священник во время исповеди духовно открыт для восприятия этой боли. Имея в себе такую готовность и сострадательную любовь, подражательную Христу, духовник должен быть совершенно открыт, чтобы всякая рана, нанесенная человеку сатаной, грехом и собственными страстями, была болью и для самого священника. Как Церковь, он должен почувствовать эту боль, переболеть ею, потому что Церковь – единый организм, в котором боль одного члена отзывается во всем теле.

С другой стороны, при совершении Таинства священник безмерно защищен милостью и благодатью Божией от того, чтобы разрушительная сила греха не разрушала его самого. И благодать Божия, которая покрывает священника, – это благодать, дарованная всей Церкви, как благодать исцеляющая, как благодать Духа Святого, *оскудевающее восполняющая и немогущее врачующая*, как говорится о ней в Таинстве Хиротонии.

В Таинстве Покаяния в лице священника Церковь раскрывает себя и с Божественной, и с человеческой стороны. И с одной стороны, священник, как человек, являющий Богочеловечность Церкви, должен взять на себя боль другого, а с другой стороны, как образ Первосвященника Христа, должен подать человеку врачевание через человеческое участие, исходящее от Бога.

Священник выступает в Таинстве Покаяния как милосердный самарянин (см.: Лк. 10: 30–35), пользуясь благодатью церковной, способной исцелять раны. Священник обладает этими дарами, чтобы через него они были преподнесены кающемуся грешнику. В этом смысле он не просто священник, его священство – благодатная сила Церкви. Хотя по-человечески для многих священников такое отношение к покаянию является настоящим подвигом.

Именно священник – Церковь, которая подает исцеление грешнику, и радость, которая охватывает человека в Таинстве Покаяния в момент исцеления от греха, это та радость, которой радуется Церковь, которой радуется все тело, когда радуется один член, и священник не может не испытывать таких благодатных состояний. Это именно тот момент, когда он выступает как сама полнота Церкви Христовой.

Подобное состояние описывал протоиерей Глеб Каледа, когда ходил исповедовать в тюрьмы и общался со смертниками. Незадолго перед смертью этот 70-летний священник, просветленный и полный радости, говорил: «Отцы, что же вы в тюрьму-то не идете? Это такая радость!» Эту радость исцеления он постоянно чувствовал на себе, как рождение новой жизни. Для священника она всегда является благодатной платой за боль, которую он на себя берет, и эта благодать в Таинстве Исповеди совершенно покрывает всю тяжесть, которую он возлагает на «выю свою», принимая на себя исповеди других людей.

Борющиеся будут спасены

Нет неправды у Бога. Бог не оставит неисполненным того, что Он предоставил исполнить Себе, когда исполним то, что мы обязаны исполнить.

Прп. Макарий Великий

Если понятно, что исповедь – не разговор со священником, а приход к Богу, то и самим исповедником она должна восприниматься не как возможность получить совет и утешение у священника, даже очень хорошего и мудрого, а как возможность прийти прежде всего ко Христу и как его собственный духовный труд. Как говорят святые отцы, Бог спасает нас, но не без нас.

Очевидно, что Таинство Покаяния может совершаться по-разному в зависимости от обстоятельств жизни человека. Человек может каяться перед священником, у которого есть епитрахиль и есть требник, но Таинство может совершаться и вне храма (как это было во время гонений), и без епитрахили, и без креста и Евангелия. Для самого Таинства Покаяния нужно только покаяние. Даже если все присутствует – и грешник, и священник, и епитрахиль, и храм, и требник, и крест, и Евангелие, – и прочтены все молитвы, и на голову грешника накинута епитрахиль, и сказано «прощаю и разрешаю», Таинство может не произойти.

А как же происходит Таинство Покаяния? Как мы уже говорили, это одно из самых таинственных Таинств. Все в нем неизреченно, неописуемо и неизъяснимо, и есть только определенная форма, которая дает нам возможность осознанного участия в нем. Потому что если мы не можем описать, как Господь словом мир сотворил, то и как Господь новотворит человека, тоже описать невозможно.

Часто человек находит для себя компромиссный вариант покаяния, как раз тот, который можно описать словесно, который можно сформулировать как Таинство, пригодное для учебника покаяния по вопросно-ответной системе. Кающийся приходит на исповедь и перечисляет свои грехи, священник ему отпускает эти грехи, и человек от своих грехов освобождается. В таком случае Таинство Исповеди становится ординарным событием, происходящим у людей время от времени в течение определенных периодов жизни. Наступает пост, человек идет на исповедь, причащается Святых Христовых Таин... Пост проходит, человек живет дальше до следующего поста, до следующего причастия, до следующего покаяния. К величайшему сожалению, сейчас Таинство Покаяния существует в сознании многих людей как отдельная треба, которая совершается многократно, когда они испытывают в ней нужду.

Сделав для себя покаяние «Таинством многоразового использования», наше сознание и живет от исповеди до исповеди. Если мы не научились осознавать и выстраивать свою жизнь как единый непрерывный путь к Богу, она становится прерывистой, случайной, когда человек не живет покаянием, а лишь иногда приходит на исповедь и кается. Но нельзя отделить Таинство Покаяния от самого пути покаяния. Где совершается Таинство Покаяния? Когда? На каком этапе оно становится движущей силой?

Для человека, который живет покаянием, исповедь каждый раз совершается по-новому, не так, как совершалась прежде. Это не всегда осознается, но это так. И каждый раз она требует особенного, личного подвига. Не только помощи Божией, но и человеческого подвига и человеческой решимости в борьбе со грехом.

С одной стороны, мы знаем, что Бог обладает всеведением, Ему открыта судьба человека еще до его рождения, существо человеческое от Бога не утаено. Но, с другой стороны, человеку дана свободная воля, человек сам собой распоряжается, и Бэсподь никаким образом не может потревожить свободу человека. Такие образы Он Сам дает нам в Своем воплощении.

Он рождается как Младенец, Которого Матерь Божия пеленает пеленами, связывает по рукам и ногам. Он приходит в мир Богом, и с самого начала связан в Своих действиях, не свободен, если хотите. Слово, может быть, не совсем соответствующее природе Божества, но оно еще раз потом определяется, когда мы видим Христа, сидящего у Пилата в темнице, связанного по рукам и ногам, не свободного, заключенного людьми. Мы знаем, что Бог совершенно свободен, Он так и говорит Петру, который пытается Его защищать от стражников в Гефсиманском саду:

Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? (Мф. 26: 53).

У Него есть свобода защищаться, но Он связывает Себя Собственной волей, чтобы человеческая свобода торжествовала даже таким образом.

Поэтому если каждый человек и предопределен ко спасению, это не значит, что каждый будет спасен. Промысл Божий о каждом человеке в том, чтобы он осуществил свое изначальное сыновство в Боге. Но осуществить его дано только тем, кто употребляет для этого свою свободную волю, желает отечества в Боге и своего усыновления. А те, кто отвергает его, вместе с этим отвергают и спасение.

Делание, объемлющее все прочие дела

Сам Искушитель предлагает для всех одно дело, объемлющее все прочие дела, и повелевает апостолам говорить всем одно: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное».

Прп. Марк Подвижник

Все Таинства, которые совершаются в Церкви, не могут быть совершены без личной веры и изъявления свободной воли человека. Таинства не заканчиваются в момент произнесения священником отпуста в конце обряда, а должны продолжаться и после разрешительной молитвы.

Крещение младенцами не осознается, но мы крестим их исключительно по вере родителей и крестных, которые обязуются воспитывать их в вере. Осознанное желание полноты брака является основанием для совершения Венчания, хотя в самый начальный момент люди не способны до конца войти в это Таинство, а осознают его по-настоящему в течение всей последующей жизни, глубоко принимая на себя или, наоборот, отвергая, создавая *свой брак* или разрушая его. В Таинстве Священства желание служить Богу до конца является основанием для его совершения, чтобы затем оно происходило и дальше, осуществляясь всей последующей жизнью человека.

Таинство Покаяния – это тоже Таинство жизни человека, – не просто единомоментный акт, а действие Духа Святого в душе человека до окончательной победы над грехом.

Таинство Покаяния занимает исключительное место среди других Таинств, так как является основанием для осуществления в человеке всех остальных Таинств. Если человек крещен, венчан, рукоположен, но Таинство Покаяния в нем не совершается, то все остальные Таинства лишаются благодатной силы. Дух Святой не может действовать в человеке, благодать остается, но не осуществляется, потому что Дух Святой действует в человеке не без участия человека. Всякое Таинство – это прежде всего сотрудничество, действие одновременно человека и Бога, и действие человека осуществляется через Таинство Покаяния.

Если в человеке имеется залог Духа Святого через Таинство Крещения, то осуществляется человек как Сын Божий в этом Таинстве через Покаяние. Если в человеке есть супружеская любовь, осуществленная как залог Духа Святого в Таинстве Венчания, то осуществляется это Таинство через постоянное самоукорение, внутреннее покаяние и стремление нести тяготы друг друга. И, конечно же, особым образом это связано с Таинством Причащения.

Поэтому о покаянии можно говорить как о Таинстве, которое наполняет собой и наполняет смыслом жизнь человека в любых других Таинствах, которое осуществляет полноту Таинства Крещения, полноту Таинства Миропомазания в сошествии Святого Духа, полноту Брака, Священства и полноту его жизни во Христе в Таинстве Евхаристии.

В Церкви все соборно

Церковь по своей природе есть бесконечный и непрерывный рост жизни и единой веры; поэтому все в ней соборно, поэтому все в ней непрестанно учатся и сотрудничают для спасения и преображения всех.
Митрополит Амфилохий (Радович)

О каком бы Таинстве мы ни говорили, в само понятие Таинства обязательно должно входить понимание того, что это действие общецерковное. Таинство – это одновременно и действие самой Церкви, и действие, направленное к самой же Церкви, чтобы все стало Церковью. Соборность лежит в существе самой исповеди.

Грех – это зло, которое разлито во всем мире. Он имеет страшную разрушительную природу. Для кающегося человека должно быть понятно, что каждый грех – это убийство всего человечества. Мы не можем сделать вид, что не отвечаем за то, что происходит в мире. Человек не может не ощущать своей ответственности и вины за то, что в мире на его глазах случилось несчастье. Во время природных катаклизмов или катастроф, подобных захвату заложников, мы все интуитивно чувствуем, что каким-то образом отвечаем за них. Когда в больнице умирает близкий человек, всегда присутствует ощущение вины за его страдания, которое трудно себе объяснить, ведь ты вроде бы ни в чем не виноват. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский написал, что всякий перед всеми виноват. Это ощущение взаимной вины есть осознание того, что грех – это смерть, что грех несет с собой смерть.

Исповедь человека – это исцеление не только самого человека. Это исцеление мира. Изменяется поврежденная грехом природа человека и – природа вокруг него, и природа его отношений с другими людьми. Исцеляется некое пространство жизни, которое человек исказил своим грехом, хотя внешне это может быть и незаметно.

И в этом смысле Таинство Покаяния, Таинство победы над злом, является осуществлением Церкви. И поэтому каждая исповедь – не только твое личное, индивидуальное дело, не просто дело каждого отдельного человека, но дело именно церковное. Церковь принимает на себя эту рану, Церковь ее залечивает, и через это сама Церковь становится исцеленной.

Исполняющий волю Божию пребывает вовек

*И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию
пребывает вовек.*

1 Ин. 2: 17

Мы называем Покаяние вторым Крещением. Всякий раз, когда человек по-настоящему глубоко переживает его, он становится иным. Покаяние может быть его новым рождением, в этот момент он осуществляет победу над временем и становится вечным. Приходя спасать грешников, Господь все-таки ищет в них что-то принадлежащее вечности, чтобы через покаяние приобщить их к бессмертию.

Какое великое, неизреченное чудо – то, что было, вдруг исчезает, совершенно тонет в милосердии Божиим, действительно доказывая, что зла просто нет, что оно не имеет своего бытия в вечности. Но, в отличие от греха, который может быть побежден и совершенно истерт из истории человечества, осуществленная добродетель, приобретенная человеком через борьбу с грехом и истинное покаяние, остаются и в истории, и в вечности.

Грех – временное нечто, чего Бог не сотворял, чего быть не должно. Человек, искаженный грехом, – какая-то химера, миф о человеке. Страшно видеть, как истинный полный жизни и вечности человек, существо богоподобное, становится настолько поглощенным временным и несуществующим, что самого человека практически уже и нет – осталось одно безобразие и уродство. Во всем, что бы он ни делал, – пустота; все, что бы он ни сказал, – ложь; вся жизнь человека превращается в то, чего нет. А когда в человеке ничего нет вечного, тогда там нечего и спасать. Это уже окончательная погибель.

Смерть грешника тем страшна, что в нем – одна пустота, спасать уже нечего. Но человек, который сочетается с добродетелью, не исчезает, когда умирает, а даруется всему человечеству, осуществляется в человечестве через пространство, через время, через совсем иные измерения. Полторы тысячи лет назад умер человек, а мы сегодня говорим: «Святителю отче Николае, помоги».

Если человек борется с грехом, если он исповедуется, то ему становится очевидным, что грех – абсолютное ничто. И получается так, что само Таинство Исповеди – это Таинство победы вечности над временем в самом человеке.

Человек, как существо телесное, не способен нести в себе духовное до конца; как существо, приобщенное к земному, не может стать небожителем одномоментно, – это дело всей его жизни. Но когда, наконец, земля становится небом в человеке, когда временное уходит, а вечное настает, тогда-то человек и способен осуществить в себе то, что Господь дарует ему через Таинства Церкви. И тогда-то настоящее, что принадлежит вечности и Духом Святым в нем оживлено, вдруг в человеке побеждает.

Глава III

Таинство Таинств

*Никакое Таинство не бывает совершенно без Причастия.
Прп. Максим Исповедник*

Завершение всякого священнодействия – Священное Причащение

*Завершение всякого священнодействия и печать всякого
Божественного Таинства есть Священное Причащение.
Св. Симеон, архиепископ Солунский*

Мы говорим, что Евхаристия – это Таинство Таинств. Значит, нет Таинства, которое не освящалось бы Евхаристией, не было бы глубоко с ней связано.

В древности существовали крещальные Литургии, Таинство Брака совершалось только на Литургии. Таинство Священства до сих пор совершается во время Литургии. Так ли это в отношении других Таинств?

Соборование как будто никак не связано с Литургией – ни по чинопоследованию, ни по символике. Но интересно, что в древности оно совершалось не совсем так, как сейчас, когда мы все собираемся раз в год на Таинство Соборования, и осмыслялось оно иначе – как приход Церкви к немощному и больному человеку, «на одре лежащему», как говорится в молитвах. Немощный, больной человек не имел возможности прийти в Церковь на Евхаристию, и к нему приходила Церковь. В первый день приходил один священник читать над ним Евангелие и молитвы и помазывал его. На другой день приходил второй священник, и так всю неделю в течение семи дней приходили семь священников. И наконец они собирались вместе, помазывали его в последний раз, читали над ним общую молитву, а потом причащали его Святых Христовых Таин.

Поэтому нельзя сказать, что Соборование не связано с Евхаристией. Сама Церковь приходила человека исцелить и через Таинство Соборования подготовить к Причащению Святых Христовых Таин. Это до сих пор сохранилось в нашем сознании как традиция причащаться на следующий день после Соборования.

И Таинство Исповеди глубочайшим образом связано с Евхаристией, как допущение или недопущение человека до Евхаристии.

Существовавшая в древней Церкви публичная исповедь была связана только с Евхаристией. Она имела смысл как отвержение согрешившего человека от возможности причащаться или соединение его с Евхаристией через покаяние. А отлучение человека от Церкви означает отлучение не от формального членства в Церкви, а прежде всего от Евхаристии: священника – от возможности служить Литургию, мирянина – от возможности причаститься. А подходит человек к Евхаристии только в покаянии, только примиренный, только с разрешением причащаться Святых Христовых Таин.

Какие слова произносит священник, читая разрешительную молитву? *Примири и соедини святой Твоей Церкви...* А примирение с Церковью – это вхождение в Евхаристию.

В этом и заключается глубокая связь Таинства Исповеди и Евхаристии, духовной жизни человека и его участия в Литургии.

Таинство Покаяния глубоко связано с Таинством Евхаристии, потому что Таинство Покаяния – это Таинство Церкви. Оно не только имеет целью самоусовершенствование, не только является средством преодоления недостатков, но определяет: ты в Церкви или ты вне Церкви, ты с Богом или ты не с Богом, ты принимаешь Христа или отвергаешь Его, потому что уже настолько искажен, что должен что-то сделать, чтобы себя исправить и принять Христа. Только ради этого человек кается. Только ради этого он трудится над собой и приносит плоды покаяния, смысл которых в том, чтобы соединиться со Христом в Таинстве Евхаристии.

Поскорее омыть скверну греха

...Им следовало бы бежать к духовному отцу своему тотчас по падении, и сделать это не по чему другому, как по желанию поскорее омыть скверну греха, оскорбившего Бога, и принять новую силу против себя самого в святейшем Таинстве покаяния и исповедания.

Прп. Никодим Святгорец

Многие священники, даже митрополит Антоний Сурожский, выступают против частой исповеди, считая, что можно приходить на исповедь раз в месяц, а то и реже, и что в этом случае человек по крайней мере придет с покаянием, сможет себя оценить, осознать свою греховность и будет каяться более глубоко. Если встать на такую точку зрения, то может показаться, что то же самое можно сказать и о Причастии: если человек будет причащаться редко, то он будет причащаться достойно. Некоторые священники, не допуская людей до частого Причащения, аргументируют это именно тем, что Причастие становится формальностью.

Трудно согласиться с таким мнением. Общение с Богом, если оно истинное, не может быть формальностью, будь то в Таинстве Покаяния, в Таинстве Причащения или в молитве. Формальным оно может стать само по себе, и зависит это не от того, часто или нечасто человек приступает к Таинству, а от того, как он к нему относится: насколько глубоко он понимает смысл исповеди или смысл своего участия в Литургии, насколько он вообще живет духовной жизнью. Если человек горит сердцем и живет духовной жизнью по-настоящему, то ничего формального в его отношениях с Богом быть не может.

В современном мире для большинства новоначальных христиан частая и подробная исповедь является важнейшим инструментом катехизации, возможностью услышать от священника ответ на вопросы, необходимые для духовного становления. А можно приходить на исповедь раз в год, перед Великим Четвергом, как это, к сожалению, часто и происходит, но совершенно не видеть своих грехов. Но если же человек желает честно на себя взглянуть, то покаяние пробуждается в нем как естественная потребность.

Грех пугает, и если человек не может, не хочет с этим жить, то ноги сами несут скорее его на исповедь. Как же он будет ждать целый месяц? Как только почувствовал, что тебя уязвил грех, беги скорее к врачу. А чем больше времени проходит, тем бесчувственнее становится душа. Состояние окамененного бесчувствия и происходит от того, что человек находит для себя возможность терпеть греховную уязвленность, отложить возможность покаяния. Вспоминается блаженный Августин, который, будучи еще грешником, молился: «Господи, спаси меня, но только не сейчас». Именно уязвленность грехом должна подвигать человека тут же бежать на исповедь, сразу просить помощи и духовного совета у духовника.

Возможно, человек и не может за неделю принести серьезных плодов покаяния, но он все время должен быть в пути.

Пред дверьми храма Твоего предстою

*Кто удаляется от Святых Таинств удаляется от Бога.
Прп. Каллист и Игнатий*

В разных странах существует разная практика исповеди, не везде она обязательно сопряжена с Литургией. И это великая радость, что в Русской Церкви сложилась такая замечательная традиция – всякий раз перед Евхаристией примиряться с Богом. Но именно поэтому Таинство Покаяния иногда воспринимается некоторыми людьми не как Таинство Царства Небесного, а как некий пропуск к Причастию Святых Христовых Таин. Конечно, все всегда говорят, что это не так, но внешне именно так и происходит: сначала ты идешь на исповедь и получаешь разрешение причащаться. А исповедь – это не разрешение причащаться, а соединение с Церковью, от которой грех отлучает человека.

Если понимать Таинство Исповеди как разрешение на Причащение, тогда и причащение, и покаяние мыслятся как дело личное. Мое личное дело с моими личными грехами рассмотрено священником, наложена определенная резолюция, и теперь я гожусь для того, чтобы продолжить свое личное дело и для себя причаститься Святых Христовых Таин. Это заблуждение. Для очень многих людей, приходящих в храм за своим собственным маленьким делом, за своей «собственной» благодатью, причаститься и соединиться с Богом, – значит что-то у Него взять. Навык такой ложной духовности является одной из самых больших трагедий, которые наполняют нашу церковную жизнь, которая не может наладиться вне взаимного движения всех людей друг к другу и к Богу. Священническая молитва не пропуск для Причастия, но свидетельство, что человек рвется к Богу, ищет Его, жаждет Его.

Хотя, с другой стороны, я не считаю, что формальным допущением до Причастия является исповедь: исповедовался – причащаешься, не исповедовался – не причащаешься. Я думаю, что можно причащаться чаще, чем исповедуешься. Если человек был на исповеди, скажем, неделю назад и ничего особенного о себе сказать не может, но хочет причащаться, имеет дух сокрушенный и примирен со всеми, то почему бы не допустить его до Причастия? Мы так и делаем, когда совершается праздник Пасхи, – все люди причащаются. Не надо этого бояться. Бояться надо – не донести себя до Причастия или не сохранить себя после Причастия. Ведь если человек не сделал ничего плохого, старался, сохранял себя, если сердце его полно плача перед Богом, достаточно подойти к священнику и сказать: «Батюшка, вы знаете, я чувствую, что я человек грешный, но ничего нового о себе сказать не могу, но очень хочу причаститься». Человек не должен быть отвержен, потому что он идет ко Христу, и Христос его не отвергает. В тех храмах, где сложилась настоящая евхаристическая община, где священник знает всех своих прихожан по имени и по жизни, где христиане стремятся причаститься за каждой воскресной и праздничной Литургией, нет необходимости в обязательной исповеди перед каждым приобщением.

Подходя к Причастию даже после глубокой исповеди, очень важно осознавать, что на самом деле ты почти ничего не исповедовал и каким был, таким же по сути своей и остался. От исповеди человек все равно отходит не праведником, а грешником, не смеющим без трепета прикоснуться к Божеству.

Недостойн есмь, Христе, причащения...

*Осквернен дели безместными, окаянный, Твоего Пречистаго Тела
и Божественный Крове недостойн есмь, Христе, Причащения, егоже мя
сподоби.*

Из Канона ко Святому Причащению

Конечно же, после исповеди перед Причастием святых Христовых Таин надо стараться всячески себя блюсти. Если ты кого-то обидел и не примирился после исповеди, то, конечно, как можно причащаться? Но стоит ли впадать в отчаяние от того, что ты поисповедовался и вдруг вспомнил какой-то грех, о котором забыл сказать? Этот грех не является препятствием к Причастию. Надо сокрушиться сердцем и сказать: «И за это меня, Господи, прости», – и идти причащаться.

Господь принимает нашу исповедь не по количеству исповеданных грехов и не по тщательности выбранных слов, которыми мы перечисляем наши согрешения. Именно то, что в нас столько грехов, которые мы не то что не исповедали, но даже еще в себе и не увидели, и ставит нас в состояние недостойнства подходить к Чаше. Исповедались, а грешниками остались, но Господь нас принимает. По милосердию Своему принимает нас, грешных, если видит желание покаяния и решимость бороться с грехом. Принимает и делает другими.

Но если нет у нас ни желания, ни решимости, то ничего не сделает и Господь... Причистишься, и тут же растеряешь полученную благодать. Если мы подходим к Чаше с полным равнодушием и пониманием, что мы такими же и останемся, если нам даже и хотелось бы стать другими, но хотелось бы все-таки немножечко и прежними остаться, – вот что ужасно. Когда остается в сердце такое чувство, что ты другим быть не хочешь, что тебе жалко лишаться многих мелочей, что тебе хочется еще этим насладиться, к тому пристраститься, что-то еще раз попереживать, как раньше переживалось, – вот это беда.

Господь допускает нас к Причастию не потому, что мы достойны, не потому, что теперь, после исповеди, мы имеем право причащаться. Никогда никакого права мы не имеем. Но такова безмерность человеколюбия и милосердия Божия, что, несмотря ни на что, Он принимает нас такими, какие мы есть.

Всякое Таинство – это страшная встреча человека и Бога. *Страшно впасть в руки Бога живаго* (Евр. 10: 31), – говорится в Священном Писании. Во всяком Таинстве страшно. Таинство Причащения Святого Тела и Крови Христовых наиболее страшное. И Церковь через апостольские послания, через учения святых отцов не устает говорить нам, что никто не может достойно причаститься. Как ни готовься, как ни молись, как ни постись... Возможность приобщаться Телу и Крови Христовым дает только одно – дух сокрушения и полное понимание того, что ты не можешь причащаться, но ты никак не можешь и не причащаться, потому что это единственный источник твоей жизни.

Только Таинство Покаяния является основанием и надеждой, что это причащение и соединение человека со Христом будет ему в радость и в жизнь вечную.

Глава IV

Любовь изгоняет страх

Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в него к жизни вечной.

1 Тим. 1:16

Человеколюбие Божие – беспредельно

Имеет меру злоба ваша, но врачевство против нее не имеет меры. Порок человеческий имеет предел, а человеколюбие Божие – беспредельно.
Св. Иоанн Златоуст

Порой для многих неверующих людей грань между тем, что хорошо и что плохо, более определена, чем для некоторых христиан, запутавшихся в ложных, поверхностных представлениях о духовной жизни. «Что бы мы ни сделали, все плохо, все недостойно», – часто говорят верующие, не понимая, что этими словами они обесценивают всю человеческую жизнь. Неверующие же обычно оценивают все соизмеримо своей совести: добрый поступок – это добрый поступок, а плохой поступок – плохой; прожив обычную жизнь, не нарушая норм, установленных обществом, они привыкли считать себя порядочными, хорошими и нормальными людьми.

Приходящие в Церковь новоначальные, конечно, многое оценивают совершенно иначе, чем это оценивает Церковь. Впервые подходя к исповеди, они берут в руки книги, созданные именно для того, чтобы помочь им в подготовке к этому Таинству; но на самом деле встречаются с серьезными проблемами, потому что далеко не всегда такие книги приносят пользу. Есть среди них очень хорошие. Лучшая, а может быть, единственная – «Опыт построения исповеди» архимандрита Иоанна Крестянина, хотя и она для новоначальных слишком сурова.

Но в основном в книгах об исповеди человеческая жизнь преподается как сплошной грех, который никак и ни в чем не имеет оправдания. Новообращенный человек, взяв в руки книгу, написанную о грехе и об исповеди формально, приходит в замешательство, когда видит список грехов, в которых, оказывается, надо каяться, а он их как грех еще для себя не осознает. Имея плоды нормальной хорошей человеческой жизни – дети, семья, работа, что-то вокруг себя создал: дом построил, огород вскопал, – человек не может понять, почему добрые дела, которые он совершал, на самом деле добрыми делами не являются. Из подобных книг он узнает, что жил невенчанным, что его любовь оказывается сплошным, не доступным пониманию грехом, детей не крестил, добрые поступки, которые совершал для других людей, в своей основе имеют мелкое тщеславие... То есть все, что бы он ни сделал, оказывается подсудно – человек уничтожен, его нет, спасать некого.

В некоторых книгах подобное перечисление грехов доходит до абсурда. Мне приходилось видеть книгу, написанную петербургским священником, которая называлась «Исповедайтесь Господеви». В ней подробно перечисляются всевозможные извращения, называются такие грехи, которые непристойно даже произносить. Для кого это написано? Что же это за христиане, если у них такие грехи? Они и христианами-то называться не могут. Часто в списках грехов не делается разницы между строгой аскезой и образом жизни недавно обращенного человека, хотя многое очевидно недопустимое, скажем, для монаха (например, пригласить девушку на вальс) вполне может себе позволить верующий мирянин.

Появляются наставления неизвестно откуда взявшихся «старцев», которые тоже учат, как надо правильно каяться. И если эту книжечку внимательно прочтешь, то обязательно дойдешь до какого-нибудь психического расстройства. Там все грехи названы в женском роде, «я делала то-то и то-то», культивируя отношение к женщине как к рабскому существу, готовому все принять за чистую монету и подчиниться любой несуржице. Ясно, что такие вещи могут только поработить человеческое сознание, как это делается в тоталитарных сектах.

Подобные книги представляют человека как сгусток зла, который не может рассчитывать на прощение. Уничтожая любую возможность осознать себя как богоподобную личность, они ввергают его в ложное духовное состояние, не дают возможности на что-то опереться и осмыслить свою жизнь в категориях нравственности, совести, своего изначального стремления к добру и справедливости. Это не вызывает ничего, кроме отчаяния, опустошения и протеста. Человек приходит на исповедь раздавленный, уничтоженный, не имея никакого основания для веры в то, что Бог может его простить.

В самой структуре таких книг, в отношении к человеку как к преступнику, есть что-то инквизиторское. Поэтому надо быть очень осторожным, беря в руки подобного рода труды, иначе можно впасть в отчаяние и вообще отойти от Церкви. Конечно, встречаются книги более или менее хорошо написанные, но даже книга святителя Игнатия Брянчанинова способна произвести тяжелое впечатление, потому что построена достаточно схематично: есть добродетели, которых у нас нет, есть грехи, которых у нас слишком много, и есть форма, по которой мы исповедуемся. Но есть еще и живой человек, который хочет стать другим, который трепещет Господа и который только-только нащупывает к Нему тропинку. Опоры в Боге у него еще нет, он пришел, чтобы ее найти, и, возможно, не знает, что Господь с любовью смотрит на всякого кающегося грешника, приходящего к Нему.

Нет греха непрощительного, кроме греха нераскаянного

Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.

Быт. 4: 7

Вся жизнь человека сопряжена с грехом. Это страшно, но не безысходно. Действительно, наша жизнь есть непрестанный грех перед Богом, но так ли на нас смотрит Господь, как об этом говорят авторы книг об исповеди, где всякая мысль, всякое пожелание представлены как греховные?

У многих людей (да и у меня самого так было) после первой исповеди остается очень тяжелое чувство: «Как же теперь жить, куда идти? Вот я приду домой, а отношения там сплошь греховные. На работе – то же самое. Ведь так быстро жизнь нельзя изменить. Что же делать? Нельзя же после исповеди сразу пойти в монастырь. Начать молиться? А я и молитв никаких не знаю. Любить Бога? А я любить не умею».

Это серьезная проблема и большое препятствие для приходящего на исповедь человека. Испугавшись греха, люди теряют вкус к жизни и воспринимают ее как необходимость спрятаться от греха, от любой ситуации, где можно каким-то образом согрешить, а в конце концов – спрятаться от самой жизни.

Из таких людей собираются целые сообщества христиан, которые боятся жить. Не грешить, а именно жить. Чувствуя свою постоянную зависимость от греха, они боятся делать любое дело, потому что за него придется отвечать. Испуганный человек ни на что не способен, не способен он стать и членом Церкви, потому что не может выполнить никакого послушания. А вдруг не выполнит и согрешит? Лучше не делать. Одна женщина на мой вопрос: «Что же ты не помолишься за такого-то?» – ответила: «Как же я за него буду молиться? Начну молиться – пойдут искушения. Искушения пойдут, я их не выдержу, согрешу. Я не могу молиться за такого человека».

И многое другое люди не делают из страха согрешить. Есть даже известная поговорка «Побольше поспишь – поменьше согресишь». Эти люди представляют в Церкви достаточно большую массу аморфных, испуганных и забытых прихожан. В нашем поколении таких очень много, иногда они производят впечатление умопомраченных, потому что их боязнь жизни сопряжена с различными фобиями. Боящийся жизни начинает бояться людей, ему кажется, что все вокруг него злые, не так на него смотрят, чего-то от него хотят, а оставшись в вакууме, он становится агрессивным. Это несчастные люди, которые были напуганы неправильным отношением к исповеди и ко греху. Человек, который любит Бога, не может жить с таким сознанием, потому что *любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4: 18).

Если в бездействии нет возможности согрешить, то нет и возможности принести какие-то плоды для Бога.

И когда снова падешь, снова кайся

И когда снова ошибешься и падешь, снова кайся. Не отчаивайся, найди в себе отвагу и надежду. Говори: «Прости меня, Христе мой, снова каюсь!» Не говори: «Мне уготован гнев Божий». Не грех ли? Человецы есмы.

Старец Иосиф Афонский

В притче о талантах (см.: Мф. 25: 14–30) господин раздает своим рабам таланты, кому – пять, кому – два, кому – один, каждому по силе его, и просит употребить их в дело. Говоря проще, нашим языком, это некая финансовая сделка, может быть, банковская операция, в которой человек должен вложить деньги и получить на них банковский процент. Операция эта достаточно рискованная: вложишь не туда – и тебя обманут. Можно все деньги потерять, но ведь можно и что-то приобрести, если поступить правильно.

Раздавая деньги своим рабам, господин понимает, что рискует. Определенная доля риска заложена во всякой финансовой операции. Вложенные средства могут принести прибыль, но могут быть и убытки. В притче не говорится прямо, но можно понять, что господин дает своим рабам право ошибиться, потерять эти деньги. Но он не дает им одного-единственного права – эти деньги зарыть.

Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал (Мф. 25: 24), – говорит господину раб. Вот сознание людей, которые боятся жить и поступать по-христиански. «Как же я возьмусь это дело делать, если за него придется отвечать на Страшном Суде! Как же я буду помогать близким или молиться за них... Как же я возьму на себя труд ухаживать за старушкой, а если я не смогу? Если не потяну? Как же потом отвечать перед Господом? Да я лучше вообще ничего делать не буду!»

Но разве Господь человек жестокий? Отвечая на это, Господь говорит: «Вот только за то, что ты испугался жить, не захотел даже попробовать что-то сделать, испугался, вот за это я тебя буду судить, раб ленивый и лукавый, а не за то, что ты потерял бы эти деньги, что ты мог бы их не сохранить».

С нами чаще всего так и бывает: Господь нам дает таланты, а мы их не сохраняем. Таинство Исповеди как раз имеет своей целью примирение с Господом человека, который не сохранил свои таланты, не зарыл, а именно не сохранил. Ему дана была возможность их употребить, но он не смог этого сделать по своей глупости, по своей неловкости, по своему неумению, по своему легкомыслию, по какой угодно причине, просто по своей греховности. Он их растерял, но он их не зарыл. И поэтому он имеет возможность примириться с Богом через исповедь.

Но для человека, который зарыл свои таланты, Исповедь как Таинство может не состояться, потому что он перед Богом как бы ни в чем не виноват. Внутренний протест против Бога, как против некоего человека жестокого, которого боишься, которого трепещешь только потому, что тебе придется отвечать за свои ошибки, не дает человеку возможности исповедовать свои грехи, даже если он часто приходит на исповедь.

Но вспомним, что говорит Господь Каину перед тем, как тот готовится убить Авеля: *У дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт. 4: 7).

Грех не должен над вами господствовать Рим. 6: 14

*Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле.
Негасимо лишь Солнце любви.*

В. Соловьев

Когда Святая Троица творит свободного человека, из этого неизбежно вытекает возможность греха. Господь знает о Своем крестном подвиге, и он мыслится именно как дарование свободы и искупление Богом человека. Если человек не искупается Богом, то отвечает за свои поступки по закону. Но Господь изначально приносит Себя в жертву за наш грех, и это позволяет нам поступать так, как мы решаем в данный момент. Господь дает нам свободу, а свобода, данная человеку, предполагает ошибки.

Свобода слишком великий дар, его нельзя зарывать. Она делает человека богоподобным. Она дает ему возможность бороться с грехом и приступать к Таинству Покаяния.

Осознать рабство, почувствовать в грехе свою несвободу может только свободный человек. Грех тем и характерен, что он делает человека рабом, а обладающий рабским сознанием, раболепствующий, живущий в постоянном страхе и унынии человек не может бороться с грехом. Он будет только бегать от греха, как от бешеной собаки, но грех всегда будет настигать его в каком-то другом месте, как об этом написано у Пушкина:

Напрасно я бегу к сионским высотам.
Грех алчный гонится за мною по пятам.
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Кто кем владеет? Кто кому хозяин? Если действительно грех властвует над нами и мы боимся его, как нашего господина, а себя признаем его рабами, то мы никогда не станем рабами Божиими, грех не даст нам возможности дышать, жить, он нас запугает, как злая собака пугает маленького ребенка, так что он боится выходить из дома. Но мы можем властвовать над грехом.

Одно из тяжелых состояний, которое человек выносит из своей исповеди и духовной жизни, – боязнь быть виноватым. Самая главная свобода христианина в том, чтобы не бояться быть виноватым перед Богом. Будьте как дети, говорит Господь (см.: Мф. 18: 3). Дети не думают, что они боятся быть виноватыми перед родителями, хотя часто бывают виноваты перед ними. Но они знают, что вина их, какая бы она ни была, все равно будет прощена: дети есть дети, родители есть родители. И поэтому дети не боятся жить. Конечно, можно запугать ребенка до такой степени, что он будет бояться своих родителей, но любить их он не будет.

Можно бояться Бога, как забытые дети боятся своих жестоких родителей, но это совершенно не спасительно и убийственно для человека. Жить надо безбоязненно, потому что Господь дает нам некую фору. Он прекрасно знает, что мы не можем не грешить, что по своей падшести мы обязательно согрешим в том или в другом. Но Он нас любит не за то, что мы праведные, а за то,

что мы есть.

Ненавидь грех и люби грешника

Злословить – значит сказать о ком-либо: такой-то солгал, или сблудил, или погневался... А осуждать – значит сказать: такой-то лгун, блудник, гневлив. Вот такой осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей жизни его...

Авва Дорофей

Как часто, глядя на наших ближних, мы думаем, что их греховные поступки и есть сам человек. Но святые отцы учат, что нельзя отождествлять человека с грехом. И Евангелие дает нам удивительный образ того, как Господь смотрит на человека и как нам надо научиться смотреть на ближнего.

В каждом человеке есть свой Иоанн Креститель – это голос его совести, глас Божий, всегда обличающий нашего внутреннего Ирода, который пытается жить против Закона Божия. В Евангелии рассказывается, как Ирод посадил Иоанна в темницу, но тем не менее приходил к нему *и многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его* (Мк. 6: 20). Удивительно это... Ведь Иоанн Креститель обличал Ирода достаточно грозно. Читая Евангелие, мы слышим, как он называл фарисеев, приходящих креститься на Иордан, порождениями ехиднины, то есть змеиным отродьем (см.: Мф. 3: 7). Примерно так же мог он разговаривать и с Иродом. Представим только, станут ли нас слушать люди, если мы попытаемся говорить с ними в такой манере, особенно если они имеют возможность не слушать нас, а посадить в темницу. Но здесь все выходит совсем по-другому.

Ирод – это сын того самого Ирода Великого, который убил Захарию, отца Иоанна Крестителя. Сам Ирод, может быть, этого и не знал, но Иоанн Креститель прекрасно знал, что посадивший его в темницу – сын убийцы его отца. Как должен был говорить Иоанн Креститель с Иродом, чтобы тот с удовольствием его слушал? Какие слова говорил пророк этому развратному человеку, живущему в открытом прелюбодеянии, творящему вокруг себя только зло и беззаконие, что тот его слушал со сладостью и многое делал по слову его? Так мог говорить только человек, который не отождествлял Ирода с его грехом, который, несмотря ни на что, видел в Ироде богоподобную личность, образ и подобие Божие. Очевидно, что только с любовью к Ироду можно было говорить неизбежно обидные вещи, говорить жестокую правду так, чтобы она доставляла человеку сладость, проникала до глубины его сердца, действовала на его совесть, чтобы заставляла даже Ирода поступать по слову Божию.

Из Евангелия становится совершенно очевидно, что, если бы Ирод не уступил Иродиаде, поступил бы по совести, по Закону Божию, он стал бы совсем другим человеком, может быть, стал бы мучеником за Христа, святым стал бы. Такое преображение могло бы с ним случиться, потому что образ Божий, хотя и изуродованный, не теряется и даже такой ужасный человек способен ко спасению, к покаянию и исправлению. Зная это, Иоанн его любил и спасал.

И это должен знать каждый кающийся грешник: он и грех – совсем не одно и то же. Грех может быть так близок к человеку, что уродует его, как кожная болезнь, как проказа. Человек в этой проказе – как в панцире. Но это не он. Он совсем другой. Грех действительно можно стряхнуть с себя в один момент. Так мог бы измениться Ирод, нужен был только решительный шаг ко Христу, и он сразу стал бы другим, Евангелие стало бы другим, мир стал бы другим, все стало бы иным. Но он его не сделал.

Самое главное, что человек должен знать о грехе и зле, что их нет. Одним шагом можно все изменить: и свою жизнь, и жизнь людей вокруг себя. А можно, наоборот, все погубить, как погубил Ирод и себя, и всех вокруг, а потом погубил и Христа.

Страх греха не спасает от греха, радость о Господе спасает

Он, как видим в Евангелии, никем не гнушался, кто Его ни звал к себе; не возмущается и нами, яко человеколюбец, аще покаянием очистим дома наша и со смирением попросим Его.

Свт. Тихон Задонский

Лучшее, что можно прочесть, готовясь к исповеди, это евангельские притчи о грешниках. Мне кажется, они должны предварять любую книгу о покаянии. Самое главное, о чем мы должны помнить, когда готовимся к исповеди, это не списки с перечислением наших грехов, а Евангелие, где говорится о любви Христа ко грешникам, о том, как Он обличает праведников, как Он пришел грешников спасти, как Он берет заблудшую овцу на Свои плечи. Лик Христа, Который милует грешника, Который грешника любит, Который не отождествляет грешника и грех, может убедить человека не бояться жить.

Прежде чем человек идет на исповедь, прежде чем ему взять книжечку с перечислением грехов, он должен прочесть Евангелие и увидеть, как к Господу приходят грешники: как к Нему приходит блудница и Он ее прощает; как к Нему приходит блудный сын и Он его принимает; как приходят прокаженные и Он их очищает; как приходит к нему множество совершенно разных людей, ужасных, больных и как Он к ним относится, как Он любит этих грешников. Как он с Пилатом разговаривает! Как Он говорит с первосвященниками. С какой любовью Он смотрит на людей, которые Его распинают, плюют в Него, бьют Его по лицу. Если человек это увидит, он не будет бояться жить. Он поймет, что Христос эту жизнь дарует любому человеку, самому ужасному и плохому. Он почувствует, что Христос вместе с ним, что Христос побеждает этот грех за него. И вот тогда он уже не захочет жить с грехом.

Мы все равно останемся грешниками, но это нас не будет пугать, потому что мы знаем, что Господь любит грешников, Он прощает грешников. Но если мы будем грешить по своей воле, то, значит, мы не читали Евангелие, потому что нельзя совместить жизнь в грехе с жизнью в Боге. Значит, мы будем с грехом бороться.

Кто это поймет, тому не будет страшно жить, но ему будет тяжело оставаться прежним, грех будет ему противен, мерзок. Но бояться его он уже не будет, потому что он может его победить.

Сокровенное мое не таково, как видимое

Увы мне! В каком я стыде! Сокровенное мое не таково, как видимое! Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его. С каким лицом прииду к Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего?

Прп. Ефрем Сирий

Пришли два человека в храм помолиться. И один говорил: «Господи, благодарю, что я не такой, как прочие», а второй, не смея возвести глаза к небу: «Боже, милостив буди мне грешному» (см.: Лк. 18: 10–13). И первый ушел осужденным, а второй – оправданным.

Так бывает очень часто. Мы приходим в храм как мытари, а потом почему-то вдруг становимся как фарисеи. Первый приход человека в храм – решительный, важный. Это приход мытаря, не смевшего возвести глаз к небу. И удивительно, Господь снисходит к такому человеку, возносит его, действительно возвышает до Себя только ради этих слов: «Боже, милостив буди мне грешному!» – ради сокрушения сердечного, ради глубокой решимости, невозможности быть таким мытарем, нести на себе груз лжи, неправды и развращенности. Невозможно жить с грехом. Грех – это мука. Грех – это ад. И вот когда человек в таком состоянии приходит к Богу, Господь видит его, милует его, смиренного, и возносит до Себя. И человек сразу чувствует, что изменился, что жизнь его стала сродни свободе, и он не может не говорить Господу: «Господи, благодарю Тебя!» Оглядывается назад, а рядом стоит такой же мытарь, каким был он сам, и вот он уже восклицает: «Благодарю Тебя, что я не такой». Такое бывает. Пришел человек в храм, стоит, молится, красивый, благообразный, с благородными чертами лица, по виду христианин, оборачивается, а рядом стоит панк с оранжевыми волосами, и человек радуется: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой!» Мы выходим в мир, видим, какой он страшный, и благодарим Господа, что мы не такие, как эти, и эти, и эти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.